

23.2.99.

Соломин Юрий Мефодьевич

В ИЗВЕСТНОСТИ с этим человеком сегодня могут потягаться разве что примелькавшиеся на голубых экранах политики типа Зюганова. Но если последних известными делают телевизионщики информационных программ, то этот человек сделал известным себя сам. Даже не известным — популярным, любимым. Его узнают. С ним здороваются незнакомые ему люди. Торговцы на базаре и у придорожных самодельных лотков отказываются брать с него деньги за свой товар.

Он актер и художественный руководитель Малого театра. Он режиссер театра и кино. Он вырастил не одно поколение актеров в Щукинском училище, которое окончил сам...

Я знаю театралов, которые в Малый ходят только «на Соломина». Сам же Юрий Мефодьевич уходил из Малого только один раз — в министры. Об этом факте своей биографии народный артист России, народный артист СССР Юрий Соломин и рассказывает в главе «Как я был министром», публикуемой (с сокращениями) ниже. Глава взята из автобиографической книги Юрия Соломина «От Адыгента до Его Превосходительства», подготовленной к печати московским издательством «Центрполиграф».

Е. БАХАНОВ.

Кн. обозрение. — 1999 —
23 февр. — с. 4

Юрий СОЛОМИН

КАК Я БЫЛ МИНИСТРОМ

мов — я кинорежиссер. Я всю жизнь был связан с библиотеками, пока у меня не появилась своя. Наконец, я учился музыке семь лет, и вся моя семья — родители, дочка, даже внучка — музыканты. Пусть кто-нибудь из ныне здравствующих министров культуры перечислит такое.

А началось все так. Был 1990 год. В июне у меня родилась внучка Александра, и я решил посвятить ей лето. Жил на даче.

Прекрасно помню тот день. Был конец августа, я шел по улице с коляской и увидел около своей калитки черную «Волгу». Вошел в дом, там сидели жена, дочка и какой-то незнакомый человек. Этот человек сказал, что Иван Степанович Силаев приглашает меня к себе. Я спросил: «Речь пойдет о назначении меня министром?» Он подтвердил это и предложил немедленно поехать в Москву. Я отказался, сказал, что побуду с внучкой, а утром приеду на своей машине. Как раз в то время мне предлагали преподавание и режиссуру в Штутгарте и Мексике. Естественно, зарплата за работу там несоизмерима с зарплатой министра. К тому же я был утвержден на очень хорошую роль у очень хорошего режиссера на «Ленфильме». Так что выбор был, но на нашем домашнем совете жена, она человек очень патристичный, сказала: «Это надо для России», и я выбрал министерство.

Я взялся за это не ради звания и должности и не ради денег. Мне тогда показалось, что непорядочно быть в стороне, если ты можешь принести пользу делу, в которое веришь.

На следующий день я приехал

в Совет Министров к Силаеву. Сказал, что из театра не уйду, а Иван Степанович ответил, что этого никто и не требует. Так, оставаясь в театре, я стал работать министром. Весь день проводил в министерстве, потом ехал в театр. Я продолжал играть царя Федора и другие роли.

Мою кандидатуру утверждали на Верховном Совете. До меня утверждали нескольких министров, задавали им какие-то вопросы. Я очень волновался и серьезно готовился. Как только меня представили, раздались аплодисменты. Я сказал, что ни о какой моей концепции речи не может быть. Концепция у меня одна с начала моего творческого пути — надо делать, а не рассказывать, что ты собираешься делать. Вопросов никаких не было. Меня утвердили сразу.

Поначалу за меня сбавлялось мое имя. Я звонил, а на другом конце провода слышал: «А, Юрий Мефодьевич, очень приятно. Сделаем...» Но бесконечно так продолжаться не могло. Необходим был Закон о культуре, а его так и не приняли.

Я работал министром недолго, чуть больше года. Может, работал бы и больше, но Министерство культуры стал курировать Геннадий Бурбулис. Меня стали вызывать с отчетами, с докладами на депутатскую группу. Однажды пришел, и какой-то юрист стал задавать мне совершенно нелепые вопросы. Я человек взрывной, встал и сказал: «До свидания. Вы меня отрываете от работы». И ушел. Я понял, что-то затевается. Через несколько дней я ехал с гонимыми в Москву. Мы уже были на Кутузовском проспекте, когда я

получил телефонограмму о том, что готовится соединение Министерства культуры с Министерством по туризму. Я категорически возражал против этого. Я не против туризма, но считаю, что ни в коем случае нельзя соединять два этих министерства. Я доказывал это на самом высоком уровне. Очевидно, я кому-то мешал, но выступить против меня в открытую и снять меня не решались. Как только я услышал о слиянии двух министерств, позвонил дочке и сказал, чтобы она собирала вещи. Мы развернулись и поехали обратно. К нашему приезду дочка уже успела упаковать чемоданы. Мы с женой погрузили в машину чемоданы, дочку, внучку, наших кошек и собак и поехали домой. Больше в министерство я не приходил. Вместе с Борисом Любимовым мы составили письмо президенту о моей отставке. Его не подписывали два месяца, но никто меня никуда не вызывал. Никакого шума не было, это утвердило меня в мысли, что я поступил правильно.

Через некоторое время Министерство культуры объединили с Министерством туризма. Этот «кентавр» просуществовал недолго. Буквально через несколько месяцев министерство, как я и предполагал, вновь разделили, но некоторые люди, которых хотели внедрить в Министерство культуры, остались. Либо это был продуманный акт, либо бездарно непродуманный. И в том и в другом случае это безнравственно. Перед уходом с министерского поста я сказал: «Подумайте, сколько денег вы потратили только на смену вывесок по всей России». Я ошибся — их потребовалось в два раза больше, чтобы поменять вывески еще раз.

Я не жалею о потраченном на министерскую работу времени. Мне никому не стыдно смотреть в глаза. Жаль, что многого не успел сделать.